

Инна Макарова¹

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ — ВОСПИТАНИЕ ДУШИ

*Вы, молодое поколение, должны
жить с поднятой головой.*

Г. Каюров «Смертоносное
масло» // Эхо войны

Строчкой из сборника военной прозы Георгия Каюрова мне бы хотелось начать свой очерк, посвящённый значимости литературы в контексте воспитания современной молодёжи. В последние десятилетия вопрос памяти поколений и объективности исторических оценок стоит особенно остро. Глобальная переоценка ценностей, искажённое восприятие прошлого, всеобщая цифровизация и информационная перегрузка имеют своим следствием формирование личности с плохо развитым или вовсе отсутствующим критическим мышлением, не вполне осознающей приоритетные цели своей жизни, лишённой прочного культурного фундамента, оторванной от своих национальных корней. Человек подобной формации являет собой представителя т. н. эпохи SHIVA, описанной футурологом Марком Розиним. В переводе с английского её содержание составляют такие компоненты, как расщеплённый (split), ужасный (horrible), невообразимый (inconceivable), беспощадный (vicious). Лишь последний фрагмент этой концепции не сёт в себе искру надежды — arising, т. е. возрождающийся.

С древних пор человечество воспитывалось на текстах предков, бережно хранимых и передаваемых через века в виде са-

---

¹ Макарова Инна Сергеевна родилась в городе Новозыбков Брянской области. Окончила факультет иностранных языков Гомельского гос. университета им. Ф. Скорины и очную аспирантуру филологического факультета Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена по кафедре зарубежной литературы. Кандидат филологических наук (2008 г.), доктор филологических наук (2021 г.). Автор монографии о творчестве У. Голдинга, цикла эссе о детской литературе, постоянный участник Детского книжного фестиваля. Живёт в Санкт-Петербурге.

крального дара старейшин. Присущее людям стремление к саморазвитию имеет один весьма коварный побочный эффект — желание оспорить мудрость предыдущих поколений. Ещё накануне третьего тысячелетия в европейском сознании наметилась опасная тенденция к отрицанию и последующему разрушению того, что прежде осознавалось как незыблемая основа, фундаментальный культурно-исторический код. Итогом, как мы прекрасно знаем, явилась глобализация, приведшая к разрушению национальной аутентичности европейских государств и сведению их самобытных черт к унифицированной парадигме. Широта охвата фактологической информации, которой могли похвастать ещё наши родители, степень их интегрированности в культурное наследие своей и, что крайне важно, другой страны, умение по памяти цитировать классических и современных поэтов, вести аргументированную дискуссию, чего бы она ни касалась — политики или театра — поражает тем больше, чем чаще слышишь обрывки разговоров представителей нынешнего поколения.

Будучи педагогом и нередко беседуя со студентами об их предпочтениях, касающихся искусства, я часто слышу такие ответы: «литература мне не интересна», «особых предпочтений нет», «я не увлекаюсь искусством» и т. д., и т. п. Малообещающей альтернативой является ответ — «мне нравится всё», из которого становится понятно, что на самом деле этот человек не любит ничего. Просится набившая оскомину ремарка: «а вот в наше время...», после которой следует перечень всех тех замечательных качеств, которыми обладал человек в прошлые десятилетия. Справедливости ради, стоит признать, что те, на кого мы равняемся сейчас, когда-то смущали пробелами в своём образовании старшее поколение; те, в свою очередь, своих предков и т. д. Напрашивается вывод: однажды мы достигнем дна, подняться с которого без посторонней помощи человечеству будет не под силу. И тогда, вероятно, нам на выручку придут посланники других миров... Но это уже другая история, пока же вернёмся в наши дни.

Сказать «мне одинаково нравится вся музыка/литература/кино», к примеру, в девяностые годы XX века (поколение, к которому я имею непосредственное отношение) было немислимо. Ведь это всё равно, что утверждать — мне в равной степени нравятся все люди. Воспитанные в условиях цифровой вседозволенности, царящей в нынешнюю эпоху метамодернизма (см. концепцию Робина ван ден Аккера и Тимотеуса Вермюлена), которой свойственны фрагментарность и относительность окружающего

мира, информационная перегрузка и циничное отношение к происходящему, ставшее заменой старому доброму юмору, молодые люди оказываются лёгкой добычей авторов конспирологических теорий, кроющих мир по выгодным им лекалам. Через сверхкороткие твиты, пятнадцатисекундные тиктоки, ежеминутно обновляемую ленту социальных сетей они формируют мышление нового образца, меняя базовые настройки современного поколения людей и программируя его на свой лад.

Шокирующая статистика многочисленных опросов, проводимых в России и за рубежом, буквально кричит о необходимости принятия незамедлительных мер по возвращению человечества к проторенному пути осмысленного восприятия наследия предков и созидательного стиля жизни в отвёденный отрезок. Привитие любви к чтению, походам в музей, театр, филармонию, по всей видимости, должно насаждаться повсеместно так же активно, как и требование заботиться об экологии, делая всё от нас зависящее. Мне могут возразить, что ситуация не так уж плоха: в крупных городах открываются книжные магазины нового образца — центры притяжения модной молодёжи, появляются лектории, слушателями которых всё чаще становятся парни и девушки студенческого возраста, ими проводятся арт-фесты, организуются культурные пространства. Жаль, однако, что подобное происходит лишь в крупных урбанистических центрах, при этом в провинции молодёжь, по-прежнему, нередко оказывается жертвой «диджитальной», как принято сейчас выражаться, вакханалии. А ведь ещё не так давно, в 70-е годы XX века, старшеклассник из глубинки писал своим друзьям такие письма, которые даже мною, весьма искущённым читателем, воспринимаются как отрывки из художественной прозы. В данном случае я апеллирую ко вполне реальной подшивке писем, оставшихся от одного из учеников моего дедушки, впоследствии ставшего художником. В них мне видится такая широкая палитра вербальных и стилистических средств, такое обилие отсылок к произведениям искусства и цитат из классических и современных поэтов, что становится неловко за имеющиеся у меня титулы, ведь я не уверена, что смогла бы написать хоть одно такое письмо, предварительно не истратив пару листов бумаги на черновики.

Вот мы и подошли к извечному вопросу: «что делать?». Ответ лежит на поверхности: бороться с «врагом» его же собственным оружием, а именно глобально навязывать единственно верную парадигму существования *homo sapiens* — такой стиль жизнь,

при котором модно много читать, постоянно развиваться, грамотно изъясняться, уметь аргументированно спорить, критически анализировать, внимательно сравнивать и сопоставлять, осознавая бесценность чистого знания. На мой взгляд, важнейшим в этом перечне является возрождение любви к чтению. Человек, способный воспринимать связный текст на протяжении нескольких страниц, не теряя концентрации внимания и не испытывая пароксизмов в суставах большого пальца, требующего ежесекундного прикосновения к экрану, чтобы перейти к следующему заголовку, даже не осознав сути предыдущего, имеет все шансы на то, чтобы независимо принимать взвешенные решения, касающиеся собственной жизни, и, следовательно, обрести желаемую свободу, о которой давно гудят иерихонские трубы современных масс-медиа. И, главное, — такой человек не станет жертвой чьей-то сугубо эгоистической идеологии, но проживёт отведённый срок в полном согласии с личными устремлениями.

Естественно, переход на новые рельсы потребует огромных затрат и, прежде всего, финансовых, ведь популяризация чтения должна происходить не на основе продвижения бесконечных мемуаров т. н. звёзд, что приносят многомиллионную выручку издательствам, но на материале достойных авторов, которые, к счастью, ещё не перевелись в родном отечестве, однако не известны широкой публике по причине их нерастиражированности и, следовательно, нерентабельности. Известна притча «талантам надо помогать, а бездари прорвутся сами», однако получить реальную помощь в условиях рыночной экономики оказывается непросто. Хорошо продаётся лишь то, что востребовано, а востребовано то, что разрекламировано. Как же быть тем, чьи имена не звучат ежедневно в эфире, а лица не появляются на популярных каналах? Мощная финансовая поддержка государства и крупных меценатов должна способствовать тому, чтобы полки книжных магазинов ломались от качественно изданных книг современных поэтов и писателей, историков и культурологов, искусствоведов и литературоведов; чтобы на баннерах страны красовалась обложка нового выпуска легендарного детско-юношеского «Костра»; чтобы в культурных пространствах крупных городов проходили презентации книг современных учёных, на которые было бы не достать билет; и, наконец, чтобы на крупных известных концертных площадках выступали талантливые поэты из числа ныне живущей молодёжи, которые сейчас вынуждены обходиться квартирниками, рассчитанными на несколько десятков человек, а входной

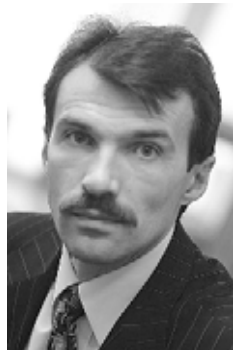
платой служит добровольный взнос (модный «донат») в 100 рублей.

Смею надеяться, это прекрасное будущее не за горами. Одним из благоприятных симптомов являются встречи с современными писателями, творчество которых нацелено на сохранение памяти прошлых поколений и через неё — воспитание души представителей нынешней молодёжи. Лектории, проводимые в онлайн- и оффлайн-режимах, позволяют уже сейчас узнать имена тех, кто спустя десятилетия, возможно, пополнит ряды классиков, познакомиться с их творчеством, приобщиться к актуальному культурному контексту эпохи.

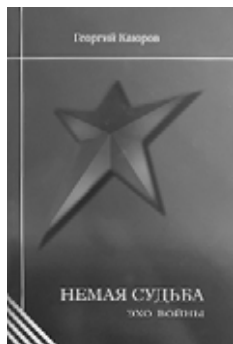
Участником одной из таких встреч, организованной президентской библиотекой Санкт-Петербурга в июле 2022 года, довелось стать и мне. Приглашённой «звездой» явился писатель-педагог Георгий Каюров (род. 1966 г.), презентующий сборник военной прозы «Немая судьба. Эхо войны».

Признаться, никогда прежде я не слышала имени этого прозаика, и когда произошло моё первое знакомство с его военными текстами, я испытала потрясение. Вот современный писатель, который пишет так, что я верю каждому его слову, вот автор, искренний в каждой строчке. Я прочла все рассказы сборника за один вечер; чем дальше продвигалась, тем больше героев меня окружало — они стояли рядом будто живые.

Итак, что же представляет собой военная проза Георгия Каюрова? В сборник входит семь небольших текстов — они занимают всего 86 страниц, однако в совокупности составляют военно-историческую летопись, обладающую несомненной художественной, культурно-исторической и нравственно-этической ценностью. Прежде всего необходимо отметить выбранную писателем манеру повествования. Не будучи свидетелем военных действий, родившись два десятилетия спустя, он делает рассказчиками своих героев («Немая судьба», «Жучка», «Краб»). При этом нередко повествователем является даже не центральный персонаж, но его окружение: дочь, соседи, сын. В том случае, когда рассказ ведётся

Георгий Каюров

Обложка книги
«Немая судьба»

от третьего лица, в центре внимания оказываются события современности, так или иначе связанные с военным прошлым героев, высвечивающие переживаемую драму, какой её воспринимают окружающие («Зюзька», «П.П.Ш.», «Смертоносное масло»).

Проза Каюрова также отличается наличием в рассказах второго плана повествования — центральная история практически всегда оттенена вплетённым в неё иным сюжетом, осмысление которого порой в корне меняет оценку читателем произошедшего и тот вердикт, что он был готов вынести антагонисту («Краб», «Зюзька», «Состояние Мейлаха», «Смертоносное масло»). Подобная амбивалентность трактовки описанных событий добавляет художественной ценности текстам писателя, которые, как и положено качественной литературе, вызывают у читателя множество интерпретаций.

Георгий Каюров — мастер интриги. По справедливому замечанию болгарского исследователя его творчества Марии Николовой: «Автор ведёт читателя спокойно, равномерно, с точной... детализацией ситуации и образа жизни персонажей — и так до последних нескольких предложений, и вдруг читатель потрясён, удивлён ..., широко открывает глаза и застывает от онемения». Саспенс усиливается практически полным отсутствием в рассказах Каюрова какой-либо авторской рефлексии. Писатель воздерживается от собственной оценки, не даёт комментариев, но скромно уходит в тень, предоставив своему читателю вглядываться в черты главного героя, который, словно на исповеди оголив душу, продолжает стоять на авансцене.

И, конечно же, особое место в характеристике художественной составляющей прозы Каюрова занимает образно-символический ряд. Автор тонко прописывает образы и художественные детали, значимые для того или иного текста, не вынося их на первый план и не повторяя на каждой странице, — он доверяет своей аудитории, будучи уверенным, что его читатель в достаточной степени эрудирован, чтобы всё понять и прочувствовать. Ключевые образы, наделённые важным символическим содержанием, виртуозно вплетены в ткань повествования, изысканно просвечивая сквозь полотно, как золотая нить в шёлке, — не затмевая, не перебивая, но усиливая и подчёркивая. Среди центральных образов сборника стоит назвать дом — он фигурирует в пяти рассказах из семи, будучи наделён глубоким символизмом: это и приют вернувшегося с фронта измученного солдата, и утраченная родина, и мечта о воссоединении семьи. Многообразны художественные детали, при помощи которых автор «раскручивает» сюжет рассказов:

дневник отца, фотография собаки, медальон, портсигар, серебряная ложка, флакон с лекарством и др.

Что же касается культурно-исторического значения сборника, то, в первую очередь, оно заключается в той лепте, что автор вносит в сохранение памяти о происходивших в военные и послевоенные годы событиях, памяти о людях, которые самоотверженно шли в бой за родину, жертвовали собой, отстаивая отчий дом и семью («П.П.Ш»), отдавая все силы на то, чтобы, вернувшись с фронта, приняться за восстановление разрушенной жизни («Краб»). Важное значение в этом контексте приобретает и тот факт, что автор, будучи наследником поколения победителей, основывает свой художественный вымысел на исторической правде, либо опираясь на подлинные истории своих друзей и знакомых, либо заимствуя сведения из архивных источников. Подобный подход к конструированию истории позволяет придать ей историческую достоверность и убедительность, необходимые с точки зрения уважения, как к памяти предков, так и читательской аудитории, не терпящей поделок и откровенного вымысла в случае, когда речь идёт о военной тематике. Как отмечает в предисловии к сборнику сам автор, «... в Запорожье по сей день живёт младший сын героя рассказа “Краб”... В Архангельске и Мурманске... хранятся под грифом секретно материалы о погубленных женщинах — рассказ “Немая судьба”». Последний рассказ цикла «Смертоносное масло» основан на трагическом случае, произошедшем в Кронштадте в 2015 году. По признанию Каюрова доля заимствованного материала в его рассказах сравнительно невелика — 5–10%, что также демонстрирует мастерство автора, способного на крупицах достоверных фактов выстроить собственное произведение, сделав его при этом максимально правдивым для читательского восприятия.

Апелляция к реально происходившим событиям также способствует повышению интереса молодёжи к истории своей страны, мотивируя её обратиться к первоисточникам, изучить фактологическую информацию, которая, как показывает Каюров, богата невероятными сюжетными поворотами и яркими образами. Автор указывает на то, что в истории при ближайшем изучении немало удивительных эпизодов, связанных не только с подвигами военачальников, совершаемыми на полях сражений, но и с поступками простых людей, чьи деяния, если о них не рассказать, обречены кануть в Лету, будучи преданы забвению среди водоворота сменяющих друга друга событий (об этом свидетельствует и метафорическое название сборника, названного по первому рас-

сказу — «Немая судьба»). Роль хранителя памяти о таких людях, отдающего дань их преданности долгу, верности любимым, безграничному трудолюбию и внутреннему благородству, с успехом выполняет писатель Каюров.

Воспитательный потенциал сборника его военной прозы весьма существенен, когда речь идёт о патриотическом воспитании подрастающего поколения, которому с каждым годом всё сложнее осмыслить произошедшее — тем в более доступной и понятной форме должен происходить рассказ. Малая проза Каюрова как нельзя лучше подходит для этой цели, особенно учитывая тот факт, что речь в ней преимущественно идёт о бытовой стороне жизни, повседневной рутине, что едина для большинства, чувствах и эмоциях простого человека. Героями рассказов являются обычные люди, которых нередко игнорируют при жизни и забывают вскоре после смерти. В рассказах Каюрова отсутствует пафос военных баталий; обойдены стороной пытки партизан; не звучат громкие призывы солдатам идти на фронт. Его герои не умирают мученической или героической смертью, они уходят в иной мир так же, как и большинство, и потому рассказ об одном эпизоде из их кажущейся ничем не примечательной жизни проникает глубоко в сердце даже неподготовленного и неискущённого юного читателя.

В завершение хотелось бы выразить надежду, что чтение таких книг и обсуждение прочитанного, в первую очередь, будут происходить в кругу семьи. В конечном итоге, лучший пример — тот, который подаёт нам самые близкие и родные. Хочется верить, что затянувшийся период вечной спешки, альтернативой которой в лучшем случае является совместный просмотр интернет-контента, однажды сменится тем, что в минувшие годы объединяло всех членов семьи, способствуя воспитанию подрастающего поколения — разговоры по душам, обсуждение прочитанных книг, рассказы об увиденном, наставления и, конечно же, дебаты обо всём на свете, начиная с оценки поступков литературных героев и заканчивая разбором собственного поведения. Простой ориентир оставил нам в наследство великий Лев Толстой — весьма точное правило воспитания, завещанное классиком всем родителям: «Самому не только жить хорошо, но и работать над собой, постоянно совершенствуясь». В этом смысле началом может быть хорошая книга, в особенности та, что учит не забывать наследие предков и через эту память воспитывать душу.